



Рассматриваются тематические, изобразительные и содержательные особенности творчества сибирского художника Анатолия Погребного. Обсуждаются вопросы о значении исторического опыта живописи и культуры для становления индивидуального творчества. Описываются особенности натюрморта, тематических картин и портрета в творчестве художника.

Ключевые слова: изобразительное искусство, Анатолий Погребной, графика, живопись, портрет, натюрморт, творческая индивидуальность, история культуры. /

The article observes thematic, graphic and semantic peculiarities of the works by Siberian artist Anatoly Pogrebnoy. It discusses the significance of the historical experience of pictorial art and culture for the development of personal creativity. The article describes the peculiar features of the artist's still lifes, thematic pictures and portraits.

Keywords: fine art; Anatoly Pogrebnoy; graphics; painting; portrait; still life; creative manner; history of culture.

Живопись и судьбы / Paintings and Fortunes



По склону Фудзи ползи –
На гору мечты...
Кобаяси Исса
(пер. В. Вяземского)

В сложном многообразии современного изобразительного искусства не теряются только самые значительные и оригинальные художественные явления. К таким явлениям относится творчество усть-илимского художника Анатолия Олеговича Погребного (1955), живописца с достаточно устоявшейся репутацией в художественной среде. Его произведения неоднократно получали самую высокую профессиональную и общественную оценку на региональном и всероссийском уровне.

Анатолий Олегович начал свою творческую деятельность в 1975 году, совмещая ее с производственной работой в мастерских художественного фонда Братска. Но уже первая персональная выставка состоялась у него в Иркутске в 1985 году. Именно тогда он заявил о себе как оригинальный, своеобразный художник с большим творческим потенциалом.

Не знаю, почему мне пришла в голову ассоциация с этим популярным хайку. Может, потому, что от прекрасной обстоятельной и разнообразной выставки Анатолия Погребного (Иркутский художественный музей, 21 января – 28 февраля 2016 года) самое первое впечатление – вдумчивая неторопливость и спокойствие?

За окном музейного зала остаются суета, скорость, опоздания, постоянные взгляды в айфоны и

погруженность в звуки, раздающиеся из наушников... В самом же зале нужно постоять, подумать. Здесь время замедляется, а в каком-то отношении и останавливается. Платон в одном из своих диалогов сближает момент времени с вечностью, называя его чудесным существом, которое во времени не пребывает. Но время содержит в себе и прошлое, и настоящее, и будущее. Этот парадокс кажется применимым к творчеству Погребного: время в его полотнах представлено не жестами, а жизнью души, имеющей длинную и непростую историю.

Мир вещей представлен художником весьма необычно: замершие маятники, взрывающиеся плоды граната, текущие швейные машинки, странно изгибающиеся шляпы, распахивающиеся крыши небольших строений, закутанное в покрывало пианино, лентой стекающие вниз клавиши рояля, никуда не плывущие, стоящие на вечном приколе корабли, опутанные веревками колеса. Каждый из этого множества предметов рассказывает свою историю, в которую еще надо вслушаться и понять ее язык. Магическое пространство полотен содержит какое-то иное время, чем то, в котором проходит повседневность: время – это память, рождающая архетипические образы, восходящие к памяти личной, семейной, культурной, к странным, но устойчивым ассоциациям. Вместе с тем видимое пространство картин предельно «свернуто», приближено к первому плану; в нем нет глубины, но только «авансцена».

^ Художник на фоне автопортрета

Сам художник говорит, что когда он пишет натюрморты, то долго вглядывается в вещи, и тогда они показывают свою природу. Но природа вещей – это не что-то застывшее; она раскрывается как всеобщая взаимосвязь явлений, перетекание сущностей друг в друга, которое представлено наглядно, убедительно, а подчас и жутковато. Предметный мир показывает свою «оборотническую» природу соотношению потоку полубессознательных ассоциаций, который великолепно описан К. Паустовским в «Золотой розе».

Если сложны натюрморты, то еще большую сложность представляет большой цикл полотен, заключающих исторические аллюзии. Здесь в воображаемом пространстве и времени встречаются не только эпохи, но и культуры, и этнические типы. Связанные общей идеей, изображенные персонажи (их никак невозможно назвать действующими лицами!) автономны, скорее погружены в себя, чем обращены к «соседу» по картинной композиции. Все они одновременно предельно достоверны благодаря тщательно выписанным деталям

(детали женских платьев, металлические заклепки на шлемах рыцарей, перевить шнуров на головных уборах, музыкальных инструментах и масках), но в целом фантастичны и – если можно так выразиться – непредсказуемы.

Независимо от сюжета изображение вытянуто вверх и напоминает стилистику средневековой живописи, ритмически совпадающей с архитектурой готического храма. Кстати, детали одежды мужчин и женщин, репрезентирующих как «Запад», так и «Восток», также восходят к средневековым платьям

и доспехам. Они «абстрактно-средневековы»; это, скорее, отсылка к тому образу эпохи, который утвердился в сознании зрителя. Знаком родства со Средневековьем и Северным Возрождением выступают и визуальные цитаты, нередко проходящие перед глазами: то это реплика женского портрета Рогера ван дер Вейдена, то маска с чертами Франциска I. Родство со Средневековьем и Ранним Возрождением подчеркивается и тем, что содержательным элементом художественного образа выступает линия; я бы назвала ее «леонардо-

v Женщина с имбирем. 2012



v Портрет М. П. Федчиной. 2013



вой», настолько отточена техника рисунка у А. Погребного. Картины этой серии напоминают то ли разворот средневековой икону, то ли икону, а временами – окно в другой мир, обустроенный множеством примет сегодняшней жизни: пряжки ремней, ключи, скрученные куски проволоки с шурупчиками, непонятного назначения заглушки и колесики, припаянные на массивную, как бы несколько небрежно обработанную раму.

Автора постоянно тревожит оппозиция Востока и Запада, сложные взаимодействия и противостояния, которые воплощаются в различных версиях. Не случайно элементом многих картин этой серии стали различные версии масок: забрала; стилизованные бауты; отделившийся от клоунов грим, гигантские по сравнению с головами условно трактованные и отделившиеся от людей «слои» лиц, хищно загибающиеся и перетекающие то ли в музыкальные инструменты, то ли в клювы птиц; маски, надетые на маски, которые, в свою очередь, натянуты на личины, весьма натуралистично припаянные то ли к коже, то ли к очередной маске... Рисунок, который я бы назвала визитной карточкой автора, по-разному, но везде к стати форматирует изображение и, как следствие, смысл картин. В случае с рефлексией Восток – Запад он представляет «единую субстанцию» с общими закономерностями развития и приметам, создающими цельное содержание. Внутренний стержень, объединяющий разные по жанрам, технике и сюжетам полотна я сформулировала для себя как отношение художника со временем. Особенно выпукло этот лейтмотив осуществляется в портретах. Среди них есть написанные на заказ, но большая часть представленных на выставке – портреты друзей и родных художника. Именно они кажутся наиболее удачными; может, потому, что «родовое проклятие» портрета – столкновение желаний заказчика и творческой фантазии живописца – в поле родственных и дружественных связей ощущается в наименьшей степени? Сам по себе интерес к изображению человека и его внутреннего мира мне кажется симптоматичным в контексте процессов, происходящих в современном изобразительном искусстве. Вспомним, что достижения искусства великой переходной эпохи в истории духовной культуры – Возрождения – связаны и не могут быть полностью представлены

без расцвета портретной живописи. Глубокие, психологически точные и яркие портреты и автопортреты этого периода создали драгоценный фонд мирового искусства. Кроме того, портрет требует виртуозного владения языком и художественным арсеналом реалистической живописи, технически сложной и разнообразной: при всей проблематичности сходства портрета и оригинала реалистическая манера дает наибольшую возможность создания иллюзии преодоления преграды между портретом и моделью. Каким бы притягательным и востребованным ни казалось сегодня авангардное искусство с его торжеством индивидуальной воли художника, реалистическая живопись не утрачивает своего значения; скорее, интерес к ней становится острее и глубже (вспомним ажиотаж, бурливший вокруг выставки В. Серова в октябре 2015 – январе 2016 года в Третьяковской галерее на Крымском Валу). В этом контексте объясним интерес к портретной коллекции А. Погребного. По моему мнению, она содержит наиболее интересные полотна выставки. Большую часть экспозиции составляют портреты женщин и детей.

На то, какое место эти картины занимают во внутреннем мире художника, указывает множество визуально воспринимаемых примет. В отличие от многофигурных и многоцветных, праздничных фантазийных композиций, портреты отличаются сдержанной серо-коричневатой гаммой, отсылающей к традиционному гризайлю (хотя техника современного живописца и гризайль, естественно, сильно отличаются друг от друга). Лица с помощью высветления и виртуозной линии «вырастают» из довольно ровного светлого или темного фона. Но этот фон отнюдь не абстрактен и не однороден: в нем обнаруживается множество тонких переходов, перепалов и переливов в оттенках одного цвета, которые помогают воспринять изображенные персонажи как бы под увеличительным стеклом. Дополнением этого приема является довольно крупный формат полотен. Но количество предметов, окружающих людей, ограничено самыми необходимыми для раскрытия их внутреннего состояния: игла в руке, камни, обвязанные веревками, книга на столе. Особенно оригинальной и характерной деталью, заканчивающей образ, являются головные уборы. Белые платки,



^ Читающая. 2015

полосатые шарфы, замысловато закрученные куски ткани. Как всегда, такие очевидности легко замечает глаз, но они имеют значение только в контексте визуальной культуры и практически не поддаются словесной интерпретации.

Свидетельством профессионализма и любви к моделям являются тщательно выписанные руки портретируемых. Умение всматриваться в жизнь рук, их индивидуальность и «биографичность» – редкий дар. Даже в истории живописи можно назвать совсем немного имен, а уж в современной живописи их и того меньше. У Анатолия Погребного движения рук, их форма, морщины, узловые суставы – все свидетельствует о короткой или длинной, благополучной или трудной жизни, ни в чем не противоречащей тому образу человека, который создан

талантом и мастерством художника.

Изображенные на портретах люди редко смотрят на зрителя: чаще всего их взгляд погружен в себя либо обращен в сторону персонажей-соседей. Повороты головы, жесты, выводящие за границы картины, создают напряженное смысловое поле. Даже дети имеют истории характеров, свою индивидуальную эмоциональную и интеллектуальную траекторию, отчетливо прочитывающуюся в сдержанных по колориту и экономных по предметному окружению образах. Единство взгляда и внутреннего настроения художника делает ряд портретов цельной серией, продолжающимся повествованием о Судьбе и ее узловых моментах. Судьба у каждого из персонажей своя, хотя события и время их объединяют («Четыре женщины»).

Когда я спросила весьма компетентного искусствоведа, можно ли причислить Погребного к элите живописного сообщества, то немедленно получила ответ: «Конечно!» Было интуитивно понятно, что именно вкладывается в эту характеристику: разнообразие техник, которыми владеет художник; качественное, усвоенное отнюдь не для «галочки» образование; глубокое и неформальное знание истории искусства, погружение в его стихию; разнообразие видов деятельности, доступных человеку: станковое, прикладное искусство, педагогика. Так, он преподавал на кафедре изобразительного искусства Усть-Илимского филиала ИрГУ, содействуя повышению квалификации и сохранению отечественной системы художественного образования, вдумчиво способствуя

возникновению и росту новой плеяды ярких талантливых художников, оживлению художественной жизни региона. Можно добавить еще многое и о личных достоинствах Погребного-человека, ведь без личностного обаяния и значительности характера нет и не может быть отнесения кого бы то ни было к «лучшим представителям какой-либо части общества, представителям привилегированных социальных групп» (как принято характеризовать элиту в художественных кругах). Добавлю: влияние таких представителей в художественном сообществе основывается на результатах их творческой энергии, на их произведениях, поддающихся многообразным интерпретациям.

**Марина Ткачева /
Marina Tkacheva**



^ Саксофон и инструмент. 2005